

В.М. Кириллин

Профессор, доктор филологических наук,
заведующий кафедрой филологии
Московской духовной академии

СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

Личность игумена Успенского Волоколамского монастыря Иосифа (Санина), русского писателя рубежа XV-XVI вв., давно привлекательна для интересующихся прошлым России¹. Бесспорно, в свое время он был одним из самых ярких и авторитетных представителей русского общества. Но и отойдя в мир иной, он сохранил свое влияние на людей. В лоне Русской Православной Церкви его чтят по сей день как святого подвижника, преуподобившегося Христу в деле устройства монашеского пути к спасению. Да и за церковной оградой к нему с XIX века устойчиво обращены взоры ученых и публицистов, стремящихся прояснить и оценить обстоятельства и особенности общественной, политической, культурной жизни москвитов в указанное выше время. Историки, филологи, философы, по-разному интерпретируя его биографию в целом, а также отдельные ее эпизоды, меняли и ракурс своих исследований. Святого Иосифа рассматривали и как богослова, и как писателя, и как церковного деятеля, и как политика, и как идеолога, и как хозяйственника. Широк также диапазон высказанных в его адрес оценок — то положительных, то отрицательных. Но критическое и претенциозное отношение к Иосифу, основанное, главным образом, на его противопоставлении преподобному Нилу Сорскому, а также на его резком неприятии современников, разделявших учение «жидовствующих», все же стало преобладающим в научных и публицистических трудах второй половины XIX — XX в.² Пожалуй, самое резкое высказывание на эту тему принадлежит Н.А. Бердяеву:

«Иосиф Волоцкой и Нил Сорский являются символическими образами в истории русского христианства. Столкновение их связывают с монастырской собственностью. Иосиф Волоцкой был за собственность монастырей, Нил Сорский — за нестяжательство. Но различие их типов гораздо глубже. Иосиф Волоцкой представитель православия, обосновавшего и освящавшего Московское царство, православия государственного, потом ставшего императорским православием. Он сторонник христианства *жестокоего, почти садического, властолюбивого, защитник розыска и казни еретиков, враг всякой свободы* (курсив — В. К.). Нил Сорский сторонник более духовного, мистического понимания христианства, защитник свободы по понятиям того времени, он не связывал

христианство с властью, был противник преследования и истязания еретиков. Нил Сорский — предшественник вольнолюбивого течения русской интеллигенции. Иосиф Волоцкой — роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства»³.

Разумеется, это крайняя и весьма субъективная идеологема, порожденная не столько интерпретацией сочинений преподобного Иосифа и фактов его биографии, сколько некогда витавшим в воздухе предубежденным и пристрастным мнением русской либеральной интеллигенции. Однако если допустимо использовать известные обстоятельства жизни Святого, а также написанные им тексты с тем, чтобы найти изъяны в его личности, христианстве, аскетическом учении, взглядах на монашество и роль Церкви, то вполне допустимо и обратное, а именно стремление найти в его общественных и литературных трудах не только то, что представляется начетничеством, формализмом, законничеством, уходом от подлинной духовности, что вызывает чувство неприятия, но и то, что как раз привлекает в его личности и позиции, что указывает на живое и деятельное усвоение им заповедей Христа о человеке и обществе, на его ревностно пастырское и лично бескорыстное неравнодушие к миру, в котором он жил.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что прежде всего агиографические материалы отмечают постоянную словесную и деятельную заботу волоколамского игумена о простых людях. Согласно Житию Иосифа, написанному Анонимом, «поселяне же много послабление имуще от господей сел их, поущением его»⁴, ибо он учил владельцев земли быть «благими» по отношению к крестьянам и ради собственной выгоды не отягчать их излишней работой, не доводить их до нищеты. Вместе с тем он и крестьян учил воздавать своим благодетелям должным образом:

«...елико тишины и промышления от них сподобляеми, толико благонравия и приательства сим въздаяти праведно есть»⁵.

По утверждению Анонима, в такой обстановке доброжелательного взаимодействия многие владельцы, последовавшие советам Преподобного, «обогатеша», а крестьяне («тяжарие») «стоги своя участиша и умножиша жит себе»⁶. Но его пастырская забота о гармонии общественных отношений сопряжена была также с конкретным душепопечением о людях, которые прибегали к нему в поиске духовного утешения: «беаше Иосиф во всей стране той, яко светило сияше»⁷. При этом известны и случаи его непосредственной борьбы просто за жизни людей, о чем красноречиво свидетельствует «Надгробное слово» ему, написанное Досифеем Топорковым:

«Некогда же гладу бывшу не во едино лето, но во много время... отец же на всяк день питаше по 400 и 500 и вящше, и истоци все жито монастырское и сребреники, и одежда, и скот подаваше требующим и ничто же не остави. Иноцы же о том роптаху на отца. Он же послав въ ин монастырь занять жита и глаголаше к братии, еже на Бога полагати упование <...> Отец же непрестанно питая и подавая требующим и до кончины своея, а Бог паче умножаше. И на всяко лето в праздник безсмертного

Успения Богоматере болши 1000 прихожаше нищих, ихже препитав с вечера и на праздник, и дав по сребреницы отпускаше и глаголаше ко учеником: “Аще и по моем отшествии тако творите, не имать оскудети ваш монастырь и до века”⁸.

Можно было бы списать указанные факты на литературную традицию и желание последователей и почитателей Святого идеализировать его образ перед лицом народа. Но, как представляется, подобное умозаключение стало бы исторической спекуляцией. Дело в том, что соответствующие агиографические свидетельства отлично согласуются с собственными размышлениями и высказываниями Иосифа на тему недолжных и, напротив, правильных отношений в современном ему русском обществе. В этом плане особенно показательны послания подвижника, — наименее из всех его сочинений изученные в плане оценки их идейного содержания.

Так, согласно Посланию братии Рождество-Богородицкого Пафнутьева Боровского монастыря, Преподобный принял предложение стать его игуменом, только лишь заручившись обещанием великого князя Ивана Васильевича III заботиться о «монастырских сиротах» (крестьянах). Но когда это обещание было забыто и оказалось, что из них «иные проданы, а иные биты, а иных в холопи емлют», и когда после личного и настоятельного ходатайства Иосифа выяснилось, что князь не хочет «жаловать» крестьян именно ввиду игуменства последнего, он оставил монастырь, не желая быть причиной жестокосердия одного и страданий других⁹.

В двух посланиях Преподобного к некоему владетельному лицу, князю, содержится суждение о духовной ответственности господ за благонравие подчиненных им людей:

«Занеже, господине, Божественное писание повелевает всякому человеку, любящему Христа, имети попечение о рабех, яко же о чадах и наказывати (то есть наставлять — *В. К.*) их всегда на благая дела, на Божий путь спасенный, иже есть сие: блуда не творити, прелюбодейства не деяти, не красти, не лгати, и всех злых дел ошаятися, и пецися душами их, еже поставити их чисты и непорочны пред Богом»¹⁰.

В послании к опять-таки безымянному вельможе о его рабах этот тезис, в сущности, повторяется, но повторяется уже в контексте прямого пастырского обличения и вместе с тем наставления относительно необходимости милосердия по отношению к людям в силу их равенства перед Богом независимо от их положения:

«Слух ми, господине, приходит про твое благородство, что бутто деи немилосердие твое и нежалование велико к твоим рабом и сиротам домашним, теснота и скудость велика им телесных потреб, пищею и одежаю не токмо доволни, но и голодом тают и наготою стражут. И сего ради аз грешный дръзнул тебе воспоманути, моему господину, помянув твою веру к пречистой Богородици, а к нам нищим великое жалование твое и любовь о Христе <...> но слышел есми от божественных писаний, како

повелевает не яко раби имети, но яко братию миловати, и питати и одевати довольно, и душами их пещися еже о спасении <...> И ты, господине, зри о сем, како божественное писание страшно претит и глаголет. Есть беда велика и страшна и мучение бесконечное, еже не пекутся, ни имеют печали о домашних своих сиротах, но токмо делом насилующе и ранами казняще, одеания же и пища не дающе и голодом моряще, а душами их не пекущися еже о спасении, но гордящися и желающе суетнаго и тщетнаго жития, прелести света сего, и не имея промышления сицеваго, ниже воспоминаа, яко вси есми создание Господне, вси плоть едина, и вси миром едином помазаны, и вси в руце Господни, его же хочет обнищавает <...> И ты, господине, Бога ради побереги себя, понеже, господине, и малое небрежение великим бедам ходатайствено бывает; колми паче бояться подобает страшнаго оногo Божественнаго прещения к немилостивым и немилосердым. И воспоминати всегда подобает Христову заповедь еуагельскую, глаголюще сице: *“Якоже хочете, да творят вам человеци, и вы им творите такоже благаа”*; и: *“Блажени милостивии, яко ти помиловани будут”*. И се, господине, Бог на тебе свою милость показал, и государь тебя князь велики пожаловал. Ино и тебе, господине, подобает своя клеветы пожаловати, и милость к ним показати, и пищею и одеждою удовлетворить, и иними всякими нужными потребами упокоити, и на благаа делеса заповеди Господня подобает учить всегда. Да за то примешь милость от Господа Бога вседержителя в сем веце, и в будущем царство бесконечное...»¹¹.

Замечательно, что игумен Волоколамского Успенского монастыря в своих посланиях не ограничивался отвлеченными суждениями о необходимости благотворения, милосердия и нищелюбия. Случалось, он и прямо вступался за страждущих. Так, в послании к Дмитровскому князю Юрию Ивановичу Святой, приведя несколько примеров заботы византийских императоров о народе, настоятельно призывает князя помочь своим подвластным:

«Аще подобно тому и ты, государь, сътвориши в своем государстве, оживиши нищия и убогия человеки, занеж, государь, уже многия ныне люди мрут голодом. А кроме тебя, государя, некому той беде пособити, а инем невозможно той беде пособити, аще не ты, государь, о том попечешься и уставиши цену своим государским велением в своем отечестве и оживиши люди бедныя, и за то примешь милость от Бога»¹².

Важно также подчеркнуть, что наряду с назиданиями Иосиф Волоцкий еще и действовал. В трудные для простых людей времена, например, в бедственные 1512–1515 годы, он реально, всеми средствами своего монастыря, помогает им. Об этом подвижник пишет княгине Марии Голениной, устыжая ее за скудость пожертвований:

«Князь Борис Васильевич, да княгини Улиана, да князь Иван Борисович... да того не считали, коли себя велели писати в годовое поминание, занеже ведомо им, что в нашем манастыре обычей: сколько Бог

пошлет, столко и разайдется. Надобе церковные вещи строити, святыя иконы, и святыя сосуды, и книги, и ризы, и братство кормити, и поити, и одевати, и обувати, и иные всякий нужи исполняти, и нищим и странным и мимоходящим давати и кормити. А расходится на всякой год по полутора ста рублев деньгами, а иногда боле, да хлеба по три тысячи четвертей на год розходится, занеж на всяк день в трапезе едят иногда шестьсот, а иногда семьсот душ, ино коли его Бог пошлет, тогда ся и разойдет...»¹³.

Разумеется, свои взгляды о необходимости участливого внимания к ближним со стороны тех, кто имеет богатство и силу, преподобный Иосиф прямо вывел из Библии и святоотеческой мысли:

«Божественное писание повелевает <...> государем великым, самодержцем земьским большую великую заповедь еуагельскую хранити, сие глаголющу: *“Будете щедри, якоже Отец ваш небесный щедр есть”*; и: *“Аще отпустите человеком съгрешения их, отпустит вам Отец ваш небесный съгрешения ваша, аще ли же не отпущаете человеком съгрешения их, ни Отец ваш небесный не отпустит вам съгрешений ваших”*; и: *“Якоже хотите, да творят вам человеци, тако и вы творите им”*; и: *“Какова хотите Бога к себе имети, такови будете к подручником своим”*. И пакы глаголет: *“Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим”*; и: *“Немилостив суд не сътворившим милости”*; и: *“Блажени милостивы, яко ти помиловани будут”*. Ся убо заповеди преже всех сущих, иже в велице области истезани будут. Се го ради и Давид, пророк же и царь, с врагы убо боряся, единоплеменных же милости сподобляше. И поистинне: Иже великую власть прием, Дате лю области должен есть по силе подобитися! Ничим же так мощно Богу подобитися, якоже милостию. Глаголет бо божественый Златауст: *“Князи и властели, милование, и заступление, и правду покажите на нищих людех <...> бывайте брат брату блази, милосерди, кротци и смиренни, и сицим иже под вами милостиви и человеколюбиви!”*»¹⁴.

Есть, наконец, основания полагать, что размышления волоколамского игумена о человеческом отношении властителей к подвластным и соответствующие им его личные поступки опирались не только на Священное Писание и учение Церкви. Вероятно, и по своей натуре он был расположен к самопожертвованию и добру, хотя чистоту веры и интересы Церкви отстаивал, как известно, весьма жестко и был действительно крайне суров, например, к еретикам «жидовствующим» как к ниспровергателям вековых христианских устоев общества¹⁵.

На личную жертвенность и мягкость Святого указывает, в частности, исполнение им своего сыновнего долга. Так, он, будучи еще простым насельником Пафнутьева Боровского монастыря, поселил у себя в келье больного отца и, как сообщает Савва Черный, до самой его кончины заботливо ухаживал за ним:

«И слыша Иосиф материно пострижение, воздаде славу Богу, взя же и отца своего к себе в келию и облече во святыи иноческий образ,

и нарече ему имя Иоанникие, и во всем нужу его подымая и кормя своима рукама: бяше бо он в велицей немощи, во ослаблении рукама и ногама. Иосиф же во всем вся бысть ему старец и учитель, и слуга и подпора; и от уныния утешая, чтяше божественая писания. Отец же, видя своего сына тако о нем боляща и тружаяся, слезами себе облияше и глаголаше: «Что ти въздам, чадо? Бог тебе воздаст мзду ради трудов твоих: не аз тебе отец, но мне отец ты еси и в телесных и духовных». И бе видети Божии любви исполнение: сын тружаяся, а отец слезами и молитвою спомога. И тако поживе лет 15 отцу служаше, и старцева слова не преступаа во всем»¹⁶.

Савва приводит и другое свидетельство о доброте своего героя:

«И некогда в глубокий вечер ходя по келиям тайне, и где слыша по павечерне беседующа братию, и ударяя по окну, назнаменуя приход свой, и паки отхождаше. И тако ему ходящу, зрит человека крадуща жито <...> И прииде молком. И той человек узре его, и хотя бежати. Иосиф же, помаваа рукою, веля ему без всякаго страха быти, и насыпа сосуд его и подня на плещи ему, и заповеда некому такову быти: «И в чем ти, — рече, — недостаток, повежь ми, аз ти исполню». Такоже заповеда ему никому сего поведати. И по мнозе времени человек той, не мога терпети, поведа сиа многим»¹⁷.

Известно также, что Преподобный радел о детях, брошенных родителями в годы голода. Возможно, впервые в истории Русской Церкви именно при Волоколамском монастыре был устроен, по утверждению анонимного жития, дом призрения, в котором находились на воспитании и обучении до 50 сирот («дом сим особь созда и таимая сиа чада, яже не породи, питаше милосердною утробою и печашеся о них, аky сиа породи»¹⁸). Вероятно, под этим «домом» надо подразумевать основанную игуменом в деревне Спирово небольшую Введенскую «Богорадскую» обитель, состоявшую полностью на иждивении Иосифова монастыря¹⁹. Но больше известно о том, что, помимо заботы о детях, в обязанности богорадских насельников входило еще и погребально-поминальное попечение о внезапно — по несчастью или насильственно — умерших людях. Об этой деятельности сохранил сведения Воколамский рукописный обиходник XVI в. (РГБ, Волоколамское собрание, № 681²⁰):

«Есть же и другой монастырь вдалье два поприща от великого монастыря, в нем же есть храм пречистые Богородица честнаго и славнаго Ея Введение, а поставление преподобнаго старца Иосифа. Глаголют неци, яко отчина быше родители его. И тамо игумен и братия преже было 12 <...> Ныне ж о Спиридонове (так — *В. К.*) монастыри вкратце речем, поне ж нигде ж писано есть о нем, како церкви Божией и служителем ея впредь состоятися и препитати ея. И сего ради благорассудный отец наш, богомудрый начальник, по Бозе, нашему спасению, преподобный отец Иосиф и тамо устроил не туне церкви Божией стояти, но Бога молити о здравии, и о спасении всего мира, и о отшедших душах, иже

в благочестии скончавшихся. И повеле от большого монастыря давати потребная, сиречь оброк: хлеб, рожь, ярь, и ячмень, и соль <...> А у того монастыря близ от церкви поставлен молитвенный храм, в нем ископана есть глубокая могила, иж нарицают дом Божий. В нем же полагают, по благословию настоятеля болшего монастыря и соборных старцов, преставльшихся раб своих, всех православных крестьян, иж нужными (принудительными — *В. К.*) всякими смертями скончавшихся: от глада и губительства, огня и меча, и межусобная брани, ил(и), рече, от разбоя, и от татьбы, и от потопа, и Божиим гневом мором умерших, и в воде утопающих. И где ни будет на пути, и на лесу, и на пустых местех повержена телеса усопших, и кто обрящет и пришед возвестит игумену и старцом, и игумен и старцы прикажут строителю богорадному: повелит взяти Бога ради тело умершаго и положит и в Божей дом. И спироскскому (так — *В. К.*) игумену, над ним отпев обычные молитвы погребальные, положити в той ж молитвы храм, и в книги писати Бога ради, коих имена ведома, а безимянных полагаги по тому ж Бога ради. И в субботу Вселенскую и в другую — мясопустную и в седмый четверток по Пасце — сия всяк год понахиды пети и обедни служити по всех православных христианех, иж тамо в Божиим доме лежащих, и октеня говорити по списку и по указу, как написано тамо и дано игумену Спироскскому Герасиму и по нем, кто игумен будет»²¹.

Видимо, этот погребально-поминальный аспект иноческого служения, как и призрение сирот, был весьма редок в эпоху Иосифа. Во всяком случае, более ранние аналогичные факты выявлены пока что применительно только к деятельности преподобного Пафнутия Боровского²², как известно, духовного наставника волоколамского игумена. Что же касается, позднейшего времени, то церковная благотворительность в Московском государстве была опять-таки связана, прежде всего, с иосифлянским типом организации монастырской жизни²³.

Итак, глубоко осмысленное исповедание того, что человек должен делать для человека, духовная рачительность о грешных и заступническая помощь слабым — вот те принципы жизни во Христе, которых вполне целенаправленно держался святой Иосиф, как будто бы к нему лично были обращены слова Спасителя: «*Пойдите, научите все народы!*» (Мф. 28: 19), или «*Возлюби ближнего твоего, как самого себя!*» (Мк. 12: 31), или «*Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд*» (Лк. 6: 36). Этим принципам знаменитый игумен следовал непосредственно сам, на них основана была деятельность его монастыря, о них он неустанно учил своих духовных чад. И наиболее ярким подтверждением данному положению, бесспорно, является почти не привлечший внимание исследователей фрагмент²⁴ из самого популярного сочинения Иосифа — «Книги на еретики», названной позднейшими русскими книжниками «Просветителем», а именно из слова 7-го.

После весьма пространныго рассуждения о необходимости и характере почитательного отношения к иконам, кресту, Евангелию, церковным таинствам и тайнодействиям, утвари и храмам, ангельским чинам, святым угодникам Божиим и их нетленным останкам Преподобный переходит к изложению норм взаимоотношений в христианском обществе и затем к характеристике истинного

служения Богу. В этом, завершающем 7 слово, разделе говорится о внутренних и внешних свойствах настоящего христианина, о его должных устремлениях и духовной настроенности, о его надлежащем отношении к своей вере, к жизни и к людям, о его подобающем поведении и поступках. Предписания этого своеобразного кодекса идеального христианина и члена общества, будучи выстроены в длинный ряд ритмически организованных императивов и являясь текстуально независимыми как плод собственного дискурса Иосифа, не основанного на сочинениях других авторов, по верному наблюдению митрополита Макария (Булгакова), афористичны, изложены «ясно, с глубоким чувством и силою», представляют собой один из лучших разделов всей книги²⁵. И, как следовало ожидать, некоторые из них четко — и, в самом деле, весьма экспрессивно и колоритно — выражают авторское понимание прикладной сути христианской антропологии и социологии²⁶:

«...И буди праведен, истинен, целомудр, мужествен;
печальным утешитель, нищим кормитель,
странным приемник, поборник обидимым;
умилен к Богу и человеком приветлив,
терпелив в напастех, недосадитель;
щедр, милостив <...>
Наказуй бесчинныя, утешай малодушныя,
служи болящим, странноприемствуй,
братолюбию прилежи;
с присными веры имей мир,
еретика человека отвращайся! <...>
Потребне зри, потребне глаголи;
въпрошаем отвещай, не въпрошаем безмольствуй,
яко да не от дерзостна сѣрдца потыкаем
язык твой уязвит кого,
но да предисходить слово утешения
прочих твоих словес,
утверждаа тебе искренняго любовь!
Да будетъ беседование твое в светле лице,
да дасть веселие беседующему тебе!
Беседуя нищему, да не оскорбиши его!
*“Обесчестеваяя бо ницаго
раздражает Сзтворшаго ѱ”*, рече притча.
Всякому, созданному по образу Божию,
главы своя поклоняти не стыдися!
Старейшаго деньми почтити не ленися
и покоити старость его потщися!
Сверстники своа мирно сретай,
меньших себе с любовью приимай,
пред честнейшими себе не ленися стоати,
алчнаго накорми, жаднаго напои,
якоже Сам Господь повеле;
нагаго одѣжди, странна введи,

болнаго посети, к темници дойди
и виждь беду их!
И аще что требуют, подайждь им,
и поскорби, и воздохни, и прослезися с ними,
и помяни, яко мнози от них
единого ради греха злостражутъ! <...>
Праздники Божиа и святых Его почитай,
не сам упивайся, но алчныа накормляя
и жадныа напоая!
Знаем сътвори дом свой не богатым и славным,
но убогим и нищим, и сиротам, и вдовицам,
и не имущим где главы подклонити!...»²⁷

В свое время еще протоиерей Георгий Флоровский очень точно, как представляется, отозвался о монашеской практике преподобного Иосифа Волоцкого, признав ее «молитвенным деланием», подчиненным, наряду с упованием на собственное спасение, именно и преимущественно «социальному служению, деланию справедливости и милосердия»²⁸. Как можно видеть, данное мнение полностью согласуется с приведенными выше примерами из агиографии и сочинений Святого. Таким образом, уничижительные оценки этого выдающегося пастыря и подвижника Русской Церкви, с кем бы из его современников его жизнь и труды ни сравнивались, должны быть признаны несправедливыми в силу их несоответствия имеющимся литературно-историческим источникам. Уместно также отметить и оторванность подобных мнений от реального исторического контекста довольно острых — на почве борьбы за интересы — церковно-государственных отношений в поземельно-имущественной, духовной и политической сферах жизни русского общества в конце XV — начале XVI в. Впрочем, последняя тема требует монографического формата²⁹.

Примечания

¹ Лурье Я.С. Иосиф Волоцкий // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1: А — К. Л., 1988. С. 434–439; Басова М. В., Шевченко Э.В. Иосиф (Санин), прп. // Православная энциклопедия. Т. XXV: Иоанна Деяния — Иосиф. М., 2010. С. 559–585; Иосиф Волоцкий // СККДР. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. С. 3: Библиографические дополнения. Приложение. СПб., 2012. С. 208–214.

² См.: Кириллин В. М. «Отвещание любозагорным» преп. Иосифа Волоцкого: Размышление в лицах об иноческом подвиге как авторская самохарактеристика // *Он же*. Очерки о литературе Древней Руси: Материалы для истории русской патрологии и агиографии. Сергиев Посад, 2012. С. 176–178; Винокуров Д.А. Иосиф Волоцкий в церковно-исторической науке XIX — начала XXI века: Основные историографические тенденции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 47–51.

³ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Русская идея. Судьба России. Издательство В. Шевчук, 1997. С. 10.

- ⁴ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным / Подгот. К.И. Невоструев // ЧОЛДП. М., 1865. С. чи (отдельная пагинация).
- ⁵ Там же. С. чѣ.
- ⁶ Там же. С. ѣ.
- ⁷ Там же. С. рѣ.
- ⁸ Надгробное слово преподобному Иосифу ученика и сродника его инока Досифея Топоркова / Подгот. К.И. Невоструев // ЧОЛДП. М., 1865. С. рѣб.
- ⁹ Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А.А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 144 (Послание монахам Пафнутьего монастыря).
- ¹⁰ Послания Иосифа Волоцкого. С. 149 (Второе послание князю о постригшемся «человеке»). Ср.: Там же. С. 148 (Первое послание князю о постригшемся «человеке»).
- ¹¹ Послания Иосифа Волоцкого. С. 152–153 (Послание некоему вельможе о его рабах).
- ¹² Там же. С. 236 (Второе послание князю Юрию Ивановичу).
- ¹³ Там же. С. 182 (Послание княгине Голениной).
- ¹⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 232–234 (Первое послание князю Юрию Ивановичу).
- ¹⁵ *Басова М. В., Шевченко Э.В.* Иосиф (Санин), прп. С. 566. Надо признать, однако, что основанием для подобной строгости все же могли служить вполне разработанные светские официальные законоположения. Так, Судебник 1497 г. предписывал (статья 9) смертную казнь за семь видов преступлений, в том числе за крамолу (выступление против власти) и церковную татьбу (святотатственное деяние против Церкви) [Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 55, 70]. При этом очевидно, что русские правоведы конца XV в. использовали в данном случае источник конца XIV столетия, а именно определения Псковской судной грамоты (статьи 7–8) [Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 332, 349–350].
- ¹⁶ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким / Подгот. К.И. Невоструев // ЧОЛДП. М., 1865. С. аі-ві.
- ¹⁷ Там же. С. л.
- ¹⁸ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным / Подгот. К.И. Невоструев // ЧОЛДП. М., 1865. С. рѣд-рѣг.
- ¹⁹ *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Т. III: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897. С. 177 (№ 2088).
- ²⁰ *Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 315.
- ²¹ Этот текст впервые частично приведен в книге: *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб., 2002. С. 159–160. Однако, к сожалению, исследователь в некоторых местах цитирует его не точно. Поэтому здесь означенное свидетельство воспроизводится непосредственно по выше указанной рукописи (лл. 99 об.–103). См. Свято-Троицкая Сергиева лавра: официальный сайт. Интернет-издание. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/sobranie-rukopisnykh-knig-iosifo-volotskogo-monastyrya/236?fnum=107> (дата обращения 09.08.2015).

²² *Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 2: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел второй: Состояние Русской Церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448–1589). Т. IV (2). М., 1996. С. 144.

²³ *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. С. 160–161.

²⁴ Несмотря на множество работ о литературном наследии преподобного Иосифа Волоцкого, он был лишь однажды пересказан [*Казанский П. С.*] Преподобный Иосиф Волоцкий. М., 1847. С. 85–92] и лишь однажды получил краткую оценочную характеристику [*Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел второй: Состояние Русской Церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448–1589). Т. IV (1). М., 1996. С. 315].

²⁵ *Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 315.

²⁶ Привожу их в соответствии с современной пунктуацией и с моей разбивкой на строчки, демонстрирующей ритмическую природу означенного раздела.

²⁷ Просветитель, или обличение ереси жидовствующих: Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Изд. 3-е. Казань, 1896. С. тѣв, тлг, тке–тлс, тѣз.

²⁸ *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 18.

²⁹ Помимо указанного выше труда А.И. Алексеева, см.: *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982; *Скрынников Р.Г.* Государство и Церковь на Руси XIV — XVI вв. Подвижники Русской Церкви. Новосибирск, 1991; *Фроянов И.Я.* Драма русской истории: На путях к Опричнине. М., 2007.